

Наследник

Ника Корт

18+

Ника Корт

Наследник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42345463

SelfPub; 2025

Аннотация

В мире, где мужчина обладает правом выбора, женщине остаётся подчиниться его воле во всем. Жестокие правила, жестокие традиции где нет места выбору. Но может быть... на краткий миг посмотреть в чёрные глаза и разрешить себе то, что всю жизнь было под запретом?

Он наследник великой империи, а моя жизнь с самого рождения мне не принадлежит.

Ника Корт

Наследник

Глава 1

– Ты любишь меня? – тихий голос в полутьме кабинета. Но ответа нет, хотя руки ползут по оголённым щиколоткам вверх, не видя перед собой преград.

Гибкое женское тело распластано на столе, белые кудри разметались, воздух подобно свисту из лёгких, губы дрожат под натиском смелых прикосновений, там, внизу...

Ей не стыдно, наоборот, она этого ждала и надеялась. И вот он, тот сладостный миг победы, смаковать который она надеется очень долго. Бесконечно долго, потому что отступить не в её правилах

Каждая частичка её тела как податливый расплавленный воск в руках умелого кукловода. Чувствует ли он фальшь, завладевая губами и беря то, что по праву ему принадлежать не должно? Чувствует. Он всё знает, потому и молчит, наслаждаясь телом, душа и помыслы его совершенно не интересуют.

Нежная трава луга ласково касается моих оголённых ног...

Солнышко светит настолько ярко, что в моих глазах появляются солнечные зайчики, но я всё равно смотрю на небо и улыбаюсь. Расправив крылья, бегу по лугу, представляя себя свободной птицей, парящей в выси: там, где небосвод касается земли, там, где нет мирских забот там, где воздух мягок и невесом. Представляю как моё тело, не обременённое кандалами обязательств, легко и свободно, и ещё жизнь моя прекрасна, наполнена яркими красками, и, пожалуй, самое главное там, в небе я остаюсь самой собой. Я там. Совсем другая я. Там настоящая я.

Только вот я не там в выси, я здесь, на вполне осязаемой земле. Где есть понятия: долг, честь, обязательства.

Такова жизнь...

Это не мой выбор, не моё решение. Судьба... это скорее она так решила. Дрожью по неприкрытым плечам. Мою шляпку подхватывает порыв ветерка, и я провожаю её взглядом, радуясь, как ребёнок новой игрушке. У меня еще есть время для того, чтобы вести себя так – совсем скоро его не станет. Так что я стараюсь наслаждаться хотя бы этими крохами.

Сколько лет, вот так, открывая глаза и встречая первые лучи солнца, я нахожусь в ожидании? Сколько? Пять... меньше? Утро уходит, наступает день, а вскоре и ночь, но ничего не происходит.

Продолжаю ждать...

Всё больше и больше мне кажется, что все мои мысли сконцентрированы на одном только слове «брак». Да, у девушек высших сословий не спрашивают, чего они хотят... Просто, в какой-то момент открывается дверь, входит отец и ставит тебя перед фактом, иногда даже не озаботившись тем, что жених ни разу не видел невесты. Кому это интересно? Пожалуй, только им самим, но вот именно их и не спрашивали... Точнее не спрашивали её. И меня не спросят. Хотя я искренне надеюсь, что отцу будет это интересно. Мы воспитывались не совсем так, как молодые леди в столице, и, пожалуй, это обнадёживало.

Широко-широко раскинув руки, я подставляю лицо солнцу и кружусь на месте. По-детски глупо, будь у меня гувернантка, она бы посмеялась, но мне скорее нужна другая масть. Ведь я девушка на выданье... Бесправная, тихая и покорная девушка, ожидающая своего будущего мужа.

Моё положение не предусматривает вольностей. И именно это самый главный грех, потому что в тайне я мечтаю позволить себе больше, чем могу. Да! Позволить безумства, позволить сказать не регламентируемую этикетом фразу, а ту, которую считаю нужной. И хочу, чтобы моя свадьба была счастливым исключением, чтобы всё было не так, как нас учили всю жизнь, и в тайных мечтах я безумно влюблена, и меня не страшит это слово «жена». Вольность... отец называл бы это глупостью, гувернантка Наиль – вольностью, а я

– мечтой.

Горько понимать, что от слова девушки ничего не зависит. Это сейчас, перейдя в статут леди, я понимаю, что нас невероятно много пичкали информацией о подчинении, покорности и, что уж греха таить, терпения. Кажется, с этого начинается первая фраза, сказанная каждой из нас в начале урока «женственности», коих у нас было неисчислимое количество!

– Супруга должна быть мила, добра, спокойна, нести свет и озарять путь своего мужа вне зависимости от того, что происходит вокруг. Запомните, «жена» не просто слово.

Моё понимание того, что что-то идёт не совсем так, как могли себе позволить другие, пришло совсем не сразу. Одна из наших гувернанток, которая в последующем была вынуждена нас покинуть, как-то раз сказала, что на самом деле всё совсем не так, как нас учат. Что мы должны следовать этому, но не до головокружения. Мне было двенадцать, и я запомнила. А как не запомнить то, что идёт в разрез с тем чему тебя обучают практически с рождения.

Конечно же, всем девочкам с раннего возраста прививают покорность супругу, рассудительность и этикет. Мы обязаны смиренно принимать и гнев, и милость супруга, уметь поддержать любую беседу и рожать мужу наследников. Именно наследников, девочки в почёте только у королевских особ, так Повелитель укрепляет свою власть, объединяя в семьи и ещё больше влияя на ход вещей. Естественно, это я тоже по-

няла далеко не сразу. Только тогда, когда столкнулась с этим фактом напрямую. Но сейчас, идя по лугу, я об этом не догадывалась, я верила в другие идеалы: в те, что мне привили.

Но вместе с тем, внутри меня рос бунт, практически неосознанно, но я сопротивлялась тому, чему с пелёнок нам старались донести как данность.

Я хочу иного, я хочу любви, той, которая в книгах. Трепета, нежности, разговоров на ночь, одну спальню на двоих. Хотя о спальне мне ещё рано думать, и право слово, стыдно...

– Женщина не должна гореть в огне неподобающей страсти, она должна быть благочестива и сдержана.

– Совсем?

Преподавательница смеривает меня взглядом, после которого я краснею гораздо сильнее, чем от самого вопроса.

– Будьте так добры, повторите то, что я только что вам зачитала...

Тогда я не услышала ответ. Неожиданно вспыхнувший интерес к данной стороне медали подвигнул меня на поиск информации из других источников.

Если отец узнает, какие книги были в моих руках, то оторвёт руки моей служанке. Считается, что подобная литература лишена морали и пагубно влияет на неокрепшие женские умы. Их в тайне читают замужние дамы – это тоже узна-

но мною от слуг.

Никогда не была строптивой, никогда не противилась преподаваемому нам материалу, просто внутри меня всё больше и толще росла стена. В своей голове, наедине с самой собой я была иной. Но эта иная я была никому не знакомой.

Чем старше я становилась, тем сильнее ощущалось давление навязанной природы и тем сложнее не выдать своего истинного отношения к «замужеству» или в принципе поведению дамы в обществе. Всё будто бы смешалось. Наставления, явь, мысли. Один большой клубок мыслей, которые я всё никак не могла разобрать по полкам. И между тем шло время, я становилась старше, и вместо интереса возник страх перед неизвестным.

Каждый день я ждала, что вот сегодня отец скажет мне это... вот сегодня утром или за обедом, а может быть на ночь?

И я не хотела слышать этих слов! Что-то внутри меня кричало не своим голосом о том, что я не хочу! Не хочу выходить замуж за того человека, о котором буду знать только то, что он маг и у него высокое положение.

Хотя...

Утрирую. Нас познакомят, отпустят на прогулку по парку в сопровождении ещё нескольких моих компаньенок или, возможно, сестёр. Он расскажет что-то о себе, я о себе... Будущий муж преподнесёт мне подарок, восхитится моей красотой, заверит в том, что сможет обеспечить мне и наши-

ми будущим детям должную жизнь. Compliments, подарки, внимание – всё это этикет – это он его обяжет, как и меня. Улыбнуться после, восхититься его подарку.

В мыслях страшно представить тот момент, когда мы останемся одни, без многочисленной вереницы гостей. Я и совершенно чужой для меня человек, от которого будет зависеть вся моя жизнь.

Это произойдёт совсем скоро, ибо я уже больше полутора лет считаюсь готовой к замужеству. И сейчас, каждый день подобен каторге, где палачи – это неизвестность и ожидание.

Отец говорит, что мой муж будет способен обо мне позаботиться, что он выберет лучшего, что мне совершенно незачем так переживать. И я улыбалась и говорила, что гораздо больше переживаю за новые отряды, отправляемые нашим императором, нежели за это... А отец делал вид, что верил, но каждый раз подмечал то, как я вздрагивала при упоминании о грядущем.

Мысль о замужестве как таковом, меня никогда не пугала, ведь я должна подчиниться силе и воле отца. Отец нас любит, и его выбору я доверяю больше, чем своему собственному, но тут дело в ином. Подпустить к себе чужого человека, назвав его своим; чувствую, что не готова к этому. И если бы только это! Меня пугает ряд вещей, связанных с браком – они пугают всех, но мне кажется, что меня больше остальных.

Не могу, не имею права осуждать решения отца, мы – жен-

щины, и наш удел -подчиняться, беречь своё тело и душу до замужества, быть верной, быть честной со своим супругом, питать недостающую ему энергию.

Женщина – сосуд, из которого супруг черпает силу. А если более верно – то он её восполняет. Посредством... общения с возлюбленной. Как минимум, нас этому учили. Нам, не обладающим магией сложно это понять, но это всё непреложный факт.

Любовь для мага высшего сословия нужна как воздух, как подзарядка, только в семьях, где муж любит жену, рождаются сильные маги, способные защищать тех, в чьих семьях любви нет. Этот феномен невозможно объяснить. К тому же тут важна любовь именно супруга, о женщине речи нет. По негласному правилу, мужчина может выбрать себе жену сам, а далее уже его отец способствует логическому завершению. Справедливо будет сказать, что мужчина всегда – маг, разница только в силе.

Положение, власть, деньги... бесчисленное количество факторов, влияющих на браки. Многие придворные дамы несчастливы в браке, многие бы хотели изменить свою жизнь, многие хотели – и ни одна не сможет. Не только любовь – она по истечению лет уходит безвозвратно, теплота душ – если её нет изначально, то не будет никогда. И это пугает меня, я боюсь, что сгорю в этом вечном огне из костра, основанном на несбывшихся надеждах, разбившихся грёзах и тех многих вещей, о которых я ещё не знаю.

Однажды, я случайно услышала, как служанки судачили на кухне.

– Он прекрасен! Ты даже не представляешь насколько.

– Глупая! Замолчи немедленно, не дай бог кто-то услышит! – шикает на девушек кухарка.

– Это ты замолчи! Я – его сила! Он сам мне об этом сказал!

– Ничего ты девочка так и не поняла. Ты не его сила, ты просто его постельная грелка. И как только лорд женится, забудет о тебе. Грелка ему будет не нужна!

«Сила», «постельная грелка» – о чём они говорили? Я прошла мимо и не стала уточнять, девушке моего положения нельзя развивать эту тему, пусть даже в обществе слуг. Так и не поняла главного, при чём тут постель? Нас всю жизнь учили, что необходимо дарить любовь мужу, но не слова о том, что «силу» восстановить может плотская утеха. Ни слова!

Я живу в жестоком мире, в мире, где женщина – просто способ, просто жизненная необходимость для них, мужчин. Мы рожаем детей, мы поддерживаем статус супруга в обществе и мы самый верный способ восполнять резерв, резерв, которым муж пользуется с лихвой!

Единственное что я знаю наверняка, так это то, что во время соития, а именно первого, он связывает души, связывает тела и получает постоянный поток энергии, преобразуя её и накапливая. Благо, что на безжизненную силу обоих это

никак не влияет. Конечно же, мужчина может и не подписываться, ничего не изменится, только резерв восполняться будет медленнее.

Делить энергию можно и с любым другим мужчиной, но тогда об этом узнает муж... И это тоже то, чему нас учили. Вбивали в голову каждый божий день. Но я почему-то продолжаю упрямо думать, что эта оговорка не что иное, как запугивание.

Перед скреплением брачного союза ставится печать, практически клеймо под лопаткой как знак отличия, как знак принадлежности. Нас клеймят, завуалируя это чем-то патетичным, даже романтично-прозаичным. Только в нашей жизни нет места для всей этой романтики – всё просто и прозрачно.

Тария не прощает проступков. Нас учат держать лицо в те моменты, в которые казалось, это сделать невозможно, и мы держим. Улыбаемся тогда, когда хочется плакать и грустим, сопереживая, тогда, когда смешно. Маски: маска благочестивой супруги, маска светской дамы, существует даже особый регламент проведения ночей с супругом. И я никогда не могла спокойно относиться ко всему тому, что нам говорит привезённый из сердца Тарии преподаватель. В моей голове не укладывалось две параллели: невозможно любить холодную и расчётливую женщину, скрывающую свои эмоции за маской безразличия, которая даже за закрытыми дверями такая. Не может быть с такой женщиной любви, но

нам упорно доказывали обратное. И мы слушали, кивали и говорили: «Да».

Нам не запрещалось улыбаться или говорить то, что мы думаем... просто была маленькая оговорка, нужно было дозировать и контролировать каждый «вдох». Не всем это удавалось. Кто не выдерживал – со временем каялись... И таких примеров очень много, слишком много. Например, если женщина зачала от другого, то её сжигают в адском пламени вместе с младенцем, невзирая на положение, бастардов не принимали ни в какие времена. И, конечно же, есть исключения. Такая участь не грозит, пожалуй, только фаворитке Повелителя. Бастарды от Повелителя рождались крайне редко, и связано это напрямую с тем, что хотел сам Повелитель. Сильный маг способен влиять и на это.

Этих женщин презирают, завидуют им и мечтают быть на их месте. Не все отдают себе отчёт в том, что Повелитель может в какой-то момент передумать и небеса станут адом. Появится женщина красивее или иная причина, тут уже неважно как, главное, что это происходит. История помнит случай, когда великий Повелитель Гордин сжёг свою любовницу вместе с общими детьми за измену. Это ужасно.

Есть негласное правило. У Повелителя всегда есть фаворитка, всегда и везде, и, как только о ней забывает император, то и придворные вычеркивают её из своих мыслей. Ублажать Повелителя ночью, быть для него всем, питать энергией и сгореть в пламени для неугодных – самое страш-

ное унижение для семьи. Я не знаю о двух сторонах медали, только об одной...

Тот случай был беспрецедентным... Ведь бастардов императора ждало замечательное жалование, высокий чин и земли, но никак не смерть. Много лет миновало с того дня когда я впервые услышала эту историю и ещё больше с того момента, когда это случилось.

Мне всегда нравилась история. Именно наша история с невероятными сражениями, героическими подвигами и тяжёлыми потерями. В сравнении с другими известными нам мирами у нас самая богатейшая история, а возможно и самая яркая. Сейчас настала эпоха великих завоеваний, то время когда мы не обороняемся, а наоборот завоёвываем, преумножаем и увеличиваем не только территорию, но и силу...

Это всё не обязательно знать женщине, но я знаю, за что несколько раз была удостоена неодобрительного взгляда старшей сестры. Благочестивой девушке из семьи высокопоставленного мага гораздо лучше интересоваться традициями, этикетом, танцами, поэзией, искусством... Быть образованной, но не во всех отраслях. Углубленное изучение истории в наш курс не входило. Да что уж там, нас и обучали дома, а молодых магов в университетах. Были специальные дома для благочестивых девиц, но это всё было не для нас. Отец решил, что мы будем придерживаться традиций и пройдем обучение в стенах замка.

Так вот о традициях. В нашем мире существует ряд тради-

ций. Во-первых, браки заключают только тогда, когда отцы с обеих сторон приходят к выводу, что это взаимовыгодно или есть какие-либо другие причины. Зачастую невеста не видит жениха до самой помолвки. Во-вторых, каждая благородная дама должна быть представлена монарху в день своего совершеннолетия. Как правило, если у неё высокое положение, то в дальнейшем она остаётся при дворе. Таких единицы. Несколько лет назад Повелителю представили мою сестру, мою старшую сестру Миранду, но при дворе она не осталась, так как есть ещё одна традиция, которая гласит: «Жена везде и всюду следует за супругом». Гардиан военный из высокого сословия и служит в королевской гвардии, поэтому сестра вынуждена быть только с ним и принять предложение монарха не смогла. Власть и традиции схлестнувшись на перепутье дорог – итог всегда одинаков – монарх просто благочестиво уступил, не имея желания и каких-либо других намерений, чтобы оставить Миранду при дворе.

Всё ещё помню, как она выходила замуж, как пристыжено опускала глаза утром, как опускалась вуаль, как отец брал её за руку, чтобы передать Гардиану. Мы плакали, плакали все. Сёстры от переполняемых чувств, а я – потому что не хотела быть на её месте и чётко понимала, что буду!

Белое платье, расшитое золотыми нитями. В день своей свадьбы сестра была прекрасна. Такая нежная, воздушная, восхитительная. Они держались за руки, стоя перед отцом произнося клятву. А мы были в десяти шагах, ловя каждое

произнесённое слово. Я смотрела им вслед, когда они удалялись из зала торжеств, чтобы скрепить свой брак ночью.

Что я чувствовала в тот момент? Кажется, я была напугана гораздо больше чем сестра. Гардиан был скуп на эмоции и ещё менее на разговоры. Молчаливый, спокойный с каким-то прищуром, я не видела, чтобы он улыбался. Провожая сестру утром следующего дня, я молилась Создателю, прося его сделать так, чтобы она была счастлива, потому что Гардиан, по всей видимости, был очень сложным молодым человеком.

Миранда пишет страшные письма, рассказывая в них, что супруг бывает слишком агрессивен и совершенно не похож на аристократа. Его высказывания резкие и грубые, а ласки уже не трепетные, в них исчезла нежность. Читая вновь и вновь строки, написанные сестрой в очередном письме, я всё больше и больше углублялась в размышления. И понимала, что вот оно несчастье в браке – вот какое оно бывает. Так странно, я помню, когда смотрела на их танцующую пару и думала, что надежда на взаимность у них есть. А оказалось...

В одном из таких писем сестра обмолвилась, что возможно ждёт ребёнка и скорее всего это будет девочка. Говорить супругу об этом она опасается. Это всё временно, Гардиан узнает. Он – маг. Сердце моё сжимается, я знаю, на что способны маги, я знаю, какими они могут быть жестокими.

Отец всегда говорил нам только правду. Если маг вышел из себя, то вполне возможно, что жертва, оказавшаяся рядом

в опасности, особенно это проявляется в юности, чем старше, тем меньше агрессивных всплесков. Чем старше мужчина, тем проще ему управлять собой. Но это касается не всех...

Братство Боевых магов, они – тёмная сторона наших дней, они – то тайное оружие, которое не знает пощады, они те, кто владеют собой на сто процентов. Это особая каста, у них свои правила, свой путь становления магом. С даром можно родиться, но и даже подаренное судьбой необходимо развивать и уметь управлять.

Вздыхаю, мысли вновь возвращаются к сестре...

Мы чувствуем, всегда знаем, кто именно у нас под сердцем. Женщины Тарии не наделены магией, ею владеют только мужчины, но это у нас есть. Если рождается сильный маг, то это видно сразу, так как во время беременности он защищает мать от любых травм, даже от моральных. Поговаривают, что когда императрица была в положении, то будущий наследник оградил её силовым полем и обидчик был отторгнут на несколько метров. Сама история была нереальной: кто мог обидеть императрицу, но говорят именно так и никак иначе.

А ещё говорят, что малыш дарит матери силы, но это теория.

Бывали исключения, но это большая редкость, и последняя женщина, которая родилась с магической искоркой, умерла тысячу лет назад. И мы ничего про неё не знаем, толь-

ко то, что огласили её как «Касилина». Вся информация была словно насильно подчищена. Я попыталась найти её – не смогла. Может быть и к лучшему? О женщине наделённой магической искрой, я узнала от отца. А отсутствие информации говорит лишь о том, что Повелитель против её огласки. Иначе никак не объяснить.

Только правящая династия, только они вправе распоряжаться нашими судьбами, отправлять на жестокие бои, наделая землями. Мы все подвластны решению Повелителя. Он наш отец, наш кров, дом и мы обязаны любить его, как своего собственного.

Увидев яркую вспышку рядом с нашей обителью, я со всех ног несусь в дом. Так как только сам Повелитель является к тому, кто ему нужен, подобным образом. Наш отец даровал нам не только жизнь, но и положение, знатный род и почитание и мы, живя в отчуждение, гордимся этим.

Наш отец Харсалин Вассилейн когда-то был правой рукой империи, но отошёл от дел, когда родилась я. Не знаю с чем это связано, но Миранда однажды шепнула, что великий предсказатель рассказал о пророчестве. Я об этом ничего не знала, и спрашивать отца не решалась. В нашем доме не применялась магия, возможно, потому что обладал ею только отец, ему было легче сдержаться. Знающие люди говорят, что это зависимость, попробовав однажды, ты уже не пускаешь письма с голубями! Просто взмах руки, и оно достигло адресата.

Я никогда не была при дворе, матушка умерла слишком рано, после рождения Наиль – не выдержала адских мук и ушла от нас в светлый мир. Отец долго не мог прийти в себя, но однажды проходит даже боль утраты.

Выдавая Миранду за Гардиена, он не мог научить её тонкостям, не мог подсказать что-то важное. Никто не мог, сестра была старшей, и никто из нас ещё не был выдан замуж. Хотя, в мои пятнадцать на моё имя пришло обращение от знатного рода Остолин с просьбой заключить помолвку, я тогда испугалась, так как только несколько дней назад родной дом покинула Миранда.

Я по сей день помню её взгляд...

Миранда долго плакала, прежде чем пойти к супругу, а я ничем не могла ей помочь. Устав ждать, Гардиен сам пришёл за ней, и я, смутившись, вышла из бывшей спальни сестры, но никто за мной не последовал. По традиции, в доме невесты глава семьи выделяет комнату для первой брачной ночи, и утром муж должен представить доказательства невинности своей супруги. Глупая формальность, девушки аристократических родов выходят замуж девственными, все это знают. Хуже обстоят дела с заключением брака наследника империи.

По традициям, первая брачная ночь происходит в определённой комнате, там витает аура благословения отцом невесты, и именно в эту ночь, выпивая необходимое количество зелья плодородия, женщина становится настоящей женщи-

ной.

Утром Миранда не проронила ни слова, но я отчётливо видела, как дрожат её руки.

– Что с тобой, сестра? – Шепнула я на ухо в тот самый момент, когда её супруг удалился из трапезной.

На меня посмотрели тусклые голубые глаза и сестра, еле дыша, произнесла:

– Всё хорошо, видимо мой супруг ожидал большего.

Я видела боль отчаяния в глазах и не могла понять, с чем это связано, просто не понимала, а потом она вдруг продолжила:

– Мужчина – всегда зверь, даже в те моменты, когда пытаются это скрыть, помни это, сестра.

И я как сейчас помню, как задрожали руки. Мои руки.

Каждый мужчина в нашем мире обладал силой, она могла быть разнообразной: от чтения мыслей до воспламенения. Всё зависло от того, какой дар он впитал от своего отца. Маги, которые не обладали выдающимися способностями, были в служении у Повелителя (хотя кто не был, мы все его слуги), его армией, торговцами, разнорабочими, управляющими малыми предприятиями, а те, у кого они были – приближёнными к короне: управляли войском, выполняли тайные поручения.

Прибытие Повелителя в нашу обитель было для меня феерическим! Я никогда не видела его, просто от того, что нам запрещали выезжать в замок, присутствовать на празд-

нествах и увеселительных магических боях между самыми сильными магами Тарии. Только в день совершеннолетия позволялось надеть бальное платье и явиться вместе с отцом к Повелителю для представления. Втайне я злилась, так как слышала от служанок, что на некоторые празднества приходят даже маленькие девочки. Но это, там, в столице, на нас это не распространялось

Как только я почувствовала, а точнее увидела взметнувшуюся молнию, то поняла, он – монарх, осветил нас своим прибытием. Радостной птичкой внутри всколыхнулось волнение и предвкушение.

Быстро побежав через луг, я совсем забыла, что не предупредила даже сестёр о своей догадке. Увидеть Повелителя, о чьих победах слагают легенды, хотя бы одним глазком – вот, чего я хотела. Да, понимала, что показывать себя заблаговременно Его Величеству – это, по крайней мере, неприлично. Девушки могли выходить в свет, но только с разрешения отца и в сопровождении брата, но брата у нас не было, а отец отказывался посещать балы в столице. Заточил нас в глуши лесов и снабдил учителями и гувернантками.

Замок посреди полей с цветущими садами сакуры – я люблю свой дом, я тут выросла, но сейчас наступает то время, когда мне хочется увидеть больше, чем красивый закат и раскидистый за окном своей комнаты лес, купающийся в первых лучах рассвета.

– Милена! – крикнула мне вслед Сирен.

– Бежим! В наш дом прибыл Повелитель!

Сестра, теряя лепестки малоуна, кинулась вслед за мной, но все наши попытки увидеть его хоть глазком не увенчались успехом. Дверь в родовой замок была закрыта, проще говоря, открывалась только после произношения определённых слов, но мы, женщины, их не знаем, а даже если бы и знали, то магии в этих словах не было, так как мы ею просто не владеем.

– Зря бежали... – запыхавшись, стонет Сирен, прислоняясь к холодной стене из камня в тени от солнца.

Поднимаю голову вверх на высокие пики. Отец догадался, что вопреки его запрету мы сделаем что-то подобное. Он знал...

Грустно выдохнув, предложила пойти по аллее в главный сад.

Наиль надела на голову венок из цветов и пустилась вприпрыжку по дорожке, заставляя улыбаться её озорному характеру.

– Интересно, а какой он... – мечтательно протянула Сирен.

Я почему-то улыбнулась и вдруг решила уточнить:

– Ты Повелителя имеешь в виду?

Сестра сразу же засмушалась, и я прикрыла себе рот ладошкой, так как не знала, слышит ли император на расстоянии или нет. Сконфузиться до знакомства, было бы для меня самым ужасным наказанием. Короткий взгляд через спину

на окна отцовского кабинета, словно пытаюсь понять там ли они.

– Интересно, а какие там балы. – Вдруг вставила подбегавшая Наиль.

Улыбаюсь, беря сестру за руку.

Наиль минуло тринадцать, и смотрели мы на неё, как на маленькую девочку, а она хотела начинать жить, хотела быстрее встретить своё восемнадцатилетие. Я смотрела на Наиль и улыбалась, её попытка перевернуть недвижимое умиляло.

– Милена узнает первой. – Немного обиженно пробормотала Сирен, смотря на свой запылившийся подол.

Хрустели камни под ногами, впиваясь в кожу. Босые, задыхающиеся от стремительного бега под палящим солнцем мы медленно шли вперёд.

Я развернулась к сестре и многозначительно посмотрела в глаза, после чего высказалась:

– Не спеши, всего через полтора года и ты сможешь появиться в тронном зале перед Великим, и я уже буду стоять в стороне и восхищаться тобой.

Сирен на миг прикрыла глаза, предвкушая и, распахнув их, наконец-то улыбнулась искренне.

– Вы совсем будете старушками, когда там буду я!

Показывая нам язычок крикнула Наиль, отбегая на пару метров.

– Да как ты смеешь! – притворно злобно восклицает Сирен и бежит за смеющейся Наиль, не обращая внимания на

то, что отстала я.

Глава 2

Повелитель устало смотрел через окно, на ту самую аллею, по которой шли три босоногие дочери Вассилейн. Смотрел спокойно, оценивающе, даже взыскивающе.

Ни одна придворная дама не позволила бы себе вот так просто идти по земле голыми ногами. При этом светясь лучезарной улыбкой. Для уже давно взрослого монарха это было умилительно, но он чётко знал, что любой другой бы осудил и посмеялся над ними. Видимо жизнь в отчуждении сильно повлияла на девочек. Они походили на деревенских простушек, никак не на аристократок. Как только Харсалин умудрился выдать свою старшую дочь за будущего полководца? Одному небу известно.

Все четыре девушки были очень похожи между собой. Очень походи от пят до кончиков волос. Пожалуй, она одна выделялась. Та, что шла самой первой. Да, она была боса, да вместо традиционного одеяния дамы её сословия простой белый сарафан с множеством юбок. Распущенные волосы, в руках несколько полевых цветов Аркфалта. Встретив этих дев, Повелитель бы подумал, что увидел обычных деревенских девчонок. Или даже не так, в силу возраста эти две идущие сзади были простушками даже во взгляде, но не она. Уже достаточно взрослая с загадочными мыслями в голове...

он видел в ней загадку, какую-то ещё не совсем женственную робость и, пожалуй, скованность.

«Это не помешает» – подумал Повелитель.

Последняя любовница сына была из королевской ветви Шардан, мира, который покорился не так давно, так что пришло время выдвинуть козырь, пока он ещё может это сделать. А пока...

Повелитель ещё ощущал этот вкус победы. Да, война стоила своих свеч, она всегда того стоит. И в сыне он видел своего продолжателя. Именно поэтому слабая девка, которую он пригрел в своей спальне, совершенно не годится для этого. Его сын слишком благороден, чтобы отправить её вслед за всей семейкой в Горлу克林ские леса, слишком. К тому же она племянница поверженного императора, практически засланный казачок в нерушимых рядах Тарии. Благо, что об этом никто не знает, он прячет её. Именно поэтому он здесь, сам, лично. Необходимо подтолкнуть свершение пророчества. Будущее изменчиво, кому ни знать об этом лучше, чем не ему самому?

– И всё же, я прошу вас. – Послышался сдавленный шепот.

Повелитель был обязан жизнью человеку, который сейчас находился перед его глазами. Тогда много лет назад, ещё юношей, он натолкнулся на бастарда «Отречённых» и выжил только благодаря Харсанин. В те сумрачные дни империя раскалывалась на два куска, власть его отца висела на волоске. Вспомнив самый страшный момент в его жизни, монарх

невольно вздрогнул. С каждым годом маг становится сильнее, но тогда ему было всего четырнадцать, мощью взрослого мага он не обладал. А Харсалин был сильным, даже тогда в семнадцать.

– Харсалин, – устало пробормотал Повелитель, сдерживая желания накинуть на шею как удавку аркан подчинения, – её будущее изменилось, ты можешь её не прятать.

Повелитель развернулся в сторону окна, откуда било яркое солнце, вновь опустил глаза на аллею, где не было и следа от девушек, только несколько дворовых мальчишек из когда-то пленённого Земноморья пробежало по их следам. Жаль, он хотел взглянуть на неё ещё раз. К тому же она напоминала мать, и это было приятное зрелище. Где-то там внутри он был даже рад что её нет. Разве он бы смог посмотреть в её глаза в тот момент, когда пришёл сюда? Не смог бы. Она была ещё более светлой и лучистой, чем её дочери, слишком нежной для этого мира. Харсалину впору было завидовать, ведь он уволок её, первую красавицу королевства в эту глушь от сотни взглядов. Хотя о какой зависти могла идти речь? Его ребёнок её и погубил. Печально.

– Но Виртус мог ошибиться, – позволил себе выпад отчаявшийся отец.

Повелитель молча развернулся к своему подданному. Он понимал Харсалина, так как тоже был отцом, но ему была необходима его дочь. Темные времена снова окутывали Тарию, и он был обязан сделать все, чтобы это пресечь, слиш-

ком много силы и крови отдано для побед. Над династией нависает незримая угроза, которую он, пока ещё Повелитель, может не успеть отразить. Необходим сильный преемник, тот, которого он готовил всю свою жизнь. А преемнику нужна она...

Харсалин просто подчинится, у него нет выбора.

Восемнадцать лет назад он позволил уехать, позволил оставить пост, прекрасно зная, что через время придёт в его дом и заставит сделать это. Небольшая отсрочка – временное обстоятельство. Временное и необходимое им обоим.

– Ты заставляешь повторять меня снова, – в очередной раз, направив свой взор в сад, в сторону ушедших темноволосяных девушек, Повелитель сказал, – она родит сильнейшего мага, и она нужна империи, – развернулся к Харсалину, – тебе ли не знать, что происходит на дальних рубежах Тарии. Её ребёнок изменит мир, он придаст моим подданным веры, Дариану силу, а ей лучшую жизнь.

– Я не могу обречь её на это... Ведь Виртус предсказал... Я не хочу...

Ему просто не дали договорить, Повелитель взмахнул рукой, и маг повиновался безмолвному приказу.

– Я не прошу продать её душу чёрным магам, не прошу вытащить из неё сердце, – и замолчав, мстительно добавил. – А хотя мог бы заставить! Мы отцы, но цели наши разные!

Харсалин понял прозрачный намёк и просто сдался. Как много он выполнял приказов, как много сил потратил на за-

щиту границы, сколько энергии у него отняли, сколько жизней унесли его действия... А теперь он должен отдать свою дочь. Отдать для того, чтобы её потерять, он знал, что Виртус не ошибся и она...

– Помолвка.

Это был последний козырь, который он, видя откровенное нежелание Милены, откладывал. Да и не вышло бы ничего, они оба это понимали.

Снова перебили, жёстко, зло!

– Прекрати делать вид, что ничего не понимаешь, – на лбу монарха появилась испарина.

Имея всепоглощающее уважение к правителю, Харсалин всё равно не выдержал. Речь шла о его дочери, о крови и плоти от любимой женщины. От женщины, воспоминания о которой дарили боль каждый прожитый день. Свою радость он видел в дочерях, наверное, потому что они слишком на неё похожи. Слишком.

– Иными словами она должна стать фавориткой принца? Погубить свою жизнь, и никогда на неё не посмотрят с благоговением, только от того, что она зачала от сына Повелителя?! Она родит бастарда!

Впервые в жизни Харсалин сказал это вслух. Сказал то, что не хотел принимать. Увёз всю семью в глушь, заведомо обучил тому, чему хотел, он всё сделал для того, чтобы пророчество не сбылось. Видя прекрасные глаза дочерей, когда они умоляли его отправить хотя бы на один бал, Харсалин

отказывал с сожалением. Не для того он прятал их от этого места! Да и «прятал» сказано условно. Повелитель всегда знал, где находится его подданный. Всегда. А ведь Харсалин надеялся, что на роль «фаворитки» принца найдётся кто-то другой, что принц влюбится и не захочет отказаться от этой женщины. Но увы... Повелитель бы не явился, будь оно так.

– Она родит мага, сильнейшего мага, так предрешено.

Харсалин опустил голову, ему ничего не осталось, только если самому убить дочь, чтобы та не мучилась в судный день. Разве у него поднимется рука сделать это? Нет, он не сможет.

– Ты забываешь, что он будет императором, а мой сосуд жизни почти иссяк.

Повелитель говорил об этих вещах откровенно только с несколькими людьми в Харсалине он угрозы не видел, несмотря на то, что тот бессильно сжимал руки в кулаках.

– Это ничего не значит. Наигравшись с ней, он просто выбросит и забудет. И если он ошибся! Просто ошибся и всё! Вдруг это не она!

– Она. Ну, или та, что младше, – простой и без эмоциональный ответ.

Повелитель открыл портал и растворился, а Харсалин тяжело выдохнул и пожалел, впервые пожалел, что за столько лет жизни его жена не смогла подарить жизнь хотя бы одному сыну. Все его четыре дочери были прекрасны и беззащитны, и он, как отец должен их защитить. Но даже один из самых сильных магов сделать это не может, он не может это

сделать... А сын, наверное, лучше, чтобы у него в принципе были сыновья!

Слова когда-то жившего во дворце провидца всплыли в голове: «Когда взойдёт солнце, и мир озарится первым лучом, у тебя родиться дочь. Ей суждено родить самого могущественного мага, того кто однажды спасёт Тарию».

И слова прорицателя начинали сбываться. Супруга действительно родила с первым лучом солнца, только вот родилась двойня. Девочки были слабы, и только одна смогла выжить. Покинув столицу, Харсалин думал, что со смертью младенца пророчество рассеется, но он ошибся. Как же он ошибся.

Умершая в младенчестве девочка не была наречена тем именем, которое носит девушка, способная родить боевого мага, но Харсалин этого не знал, а вот Повелитель ведал.

Виртус один знал, знал всей правды и, придя к опечалившемуся отцу, сказал: «Никто не знает, была ли твоя умершая дочь наречённой, а возможно моё пророчество не сбудется, я же всего лишь пророк». И у Харсалина появилась крохотная надежда. Он увёз свою семью с верой в то, что пророчество обойдёт его стороной, но появление монарха раскрыло все его самые ужасные страхи. Теперь он знал, знал, что не может больше сопротивляться этому, судьба сама настигла их в том месте и в то время, в которое должна была.

– Милена, – тихо позвала Наиль. – А какое платье ты наденешь?

Пожала плечами, так как по традиции платье должна выбирать мать, но мама умерла, очень давно... Миранда доверила свой выбор отцу, так как с самого младенчества принимала его решения как свои. Мы обязаны подчиняться, должны, нас этому учат с младенчества, но иногда наступают такие моменты, когда хочется сказать «Нет», но правда в том, что, сказать «Нет» я не могу.

А платье, платье это такая мелочь.

– Я поступлю как Миранда...

– Попроси, отец тебя отпустит, – внесла предложение Сирен.

– Какая разница, в каком платье я буду, – покачала головой, – через месяц моя жизнь будет другой и смысла нет сейчас куда-либо рваться, – для ясности добавила, – Про меня забудут на следующий день, не вспомнят моего имени, не то, что платье.

– Ты думала, какой он будет? – не унималась Сирен. – Будешь ли ты любить его, будет ли любить тебя он. А может быть, у него будут ужасные бородавки на лице! Боже, какой кошмар! – сестра захихикала и повалилась на мою кровать.

И вдруг я явственно представила себя женой человека, которого даже не знаю и меня это напугало, а ещё я вспомнила красные глаза Миранды и её всхлипы. Сопротивлять-

ся смысла не было, я приму любой выбор отца, хотя в душе мечтаю сделать свой. Будем честными, касательно внешне-сти, я даже и не думала. Не знаю почему, мне как будто бы всё равно.

– Мужей мы не выбираем, – я посмотрела на сестру, – запомни это.

Сирен мгновенно нахмурилась. Из нас из всех я была словно старше всех. Даже Миранда говорила, что я слишком чопорная. Не обижалась, нет, просто я была более спокойной и рассудительной. Лазить за яблоками на раскидистые ветви деревьев по ночам ради забавы было для меня чуждым. Вместо этого я рассказала сёстрам поучительную историю о том, что будет, сорвись они с ветвей!

Мои суждения были приближены к реальности, я никогда не витала в облаках. Копия папы, только в женском обличии.

Я не хотела рушить сестре розовое представление о браке, но и не сказать не могла. Сирен всегда отличалась от нас безмятежностью и витающими в облаках мыслями. Я же мыслила материально и понимала, чего от меня ждут. Как и любая девушка, я мечтала, однажды посмотрев в чьи-то глаза, увидеть берега моря «Гахлон», но это всего лишь мечты, навязанные нам романами о вечной и непогрешимой силе любви. И всё же мы неопытные девушки, не имеющие возможность пообщаться с мудрой женщиной.

Многочисленные гувернантки и дуэную... что с них взять! Кроме протяжных «охов», «вздохов» и слов о том, что нам

либо рано, либо уже поздно!

Подошла ближе к небольшому туалетному столику, где только что прошёл маленький береговой шторм под названием Сирен. Пудра не на своём месте, несколько листов из личного блокнота спикировавших на пол, капли чернил. Спокойно разложила по местам, не обращая внимания на то, что сестра продолжает разглагольствовать на тему своего «когда-то» предстоящего замужества.

Ещё слишком рано.

В полумраке комнаты я вдыхаю раскалённый воздух. Очень жарко – прохладная вода в ванной не помогла остудиться. Волосы мгновенно высохли и мне нужно срочно позвать служанку, чтобы она собрала их и подобрала что-то более подходящее к вечерней трапезе, чем простенькое домашнее платье из хлопка. У меня нет сил этим заниматься.

Могу сама и платье надеть, и волосы прибрать, но папа не разрешает нам этого делать, да и гувернантка Наиль кричит о том, что это плохой тон, что женщины в столице так не делают, что это удел нищенок. Мы должны быть леди в любом из проявлений. Даже если по нашим меркам это глупо. А любовь к ходьбе босиком – лучше умолчать вовсе.

Не знаю чего страшусь больше, того что мне предстоит за столько лет впервые появиться на балу или того, что совсем скоро после этого отец отдаст меня в чужие руки. И какова будет она эта жизнь?! Где? Столица, гарнизон, побережье? А может быть совершенно другой мир... Страшно... Холодком

по пояснице.

Не скрою, всё девичество до совершеннолетия, я мечтала слышать как зашуршит подол платья от моего торопливого шага, как тонкий стан обхватит плотная ткань, как, закалывая волосы, вставят последнюю шпильку, как я войду в просторный зал торжеств и поймаю на себе сотни восхищённых взглядов. Представляла, как меня ослепит великолепии убранства дворца, как непременно найду подруг, а возможно и встречу свою любовь. Я тоже когда-то мечтала. Сейчас это всё кажется такой несусветной глупостью. И мне страшно. Этот страх перекрывает всевозможные мечты.

Да, девушки любят мечтать. Миранда мечтала, а сейчас? Во что сейчас превратились её мечты?

Украдкой бросаю взгляд на Сирен. Она лежит на спине, поперёк кровати, широко раскинув руки в стороны, и её мечтательный взгляд устремлён в потолок. Смотрю на неё и вижу себя, а ещё вспоминаю Миранду: то, как она сторала от нетерпения шагнуть в портал. А после захлёб рассказывала насколько там красиво и как она танцевала все танцы подряд, как один из кавалеров приглашал её трижды и это было практически неприлично. Я сидела напротив и разинув рот внимала каждое слово, а после глубокой ночью не могла сомкнуть глаз, потому что представляла себя на её месте.

– О чём ты думаешь? – Присаживаюсь на уголок кровати.

Сирен перекачивается на бок, подпирает рукой голову и её волосы озорными спиральками подпрыгивают в воздухе.

Она всегда такая смешная с распущенными волосами. Похожая ещё на совсем малышку, что кстати обижает её до глубины души, а иногда заставляет зло выпалить, что она совершенно не маленькая, а очень даже взрослая. Всего-то год до брачного возраста! Год, так мало...

– Обо всём, – сестра пожимает плечами перекатываясь на живот, – например, о том, что тоже смогу выбрать платье, подобрать мерки, заказать модистке сразу десятки бальных, повседневных!

Улыбаюсь. Платья... а особенно очень красивые платья, нам были особо и не нужны. Нет. Отец не считал денег, которые тратил на нас, просто тут гораздо проще быстро подобрать два ряда юбок и побежать в сторону небольшого озера, чем еле идти в удушающем корсете, волоча за собой шлейф под палящим солнцем. Сейчас мы выгладим презентабельно только на фоне девушек из деревушки, принадлежащей нашему роду. Там никто не думает насчёт того, насколько шикарен туалет. У деревенских девушек, растущих вместе с нами, другие понятия. Мы настолько привыкли к ним, что порой общаться с этими девушками приятнее и полезнее, чем с сёстрами Шердон, чья летняя резиденция находится не так далеко от нашего дома. Так вот, приемлемой считается длина чуть выше щиколотке и внимание, юбка в один слой. А что будет во дворце Повелителя, известно одному Создателю.

Надеюсь, что я не буду казаться простушкой среди завсе-

гдатаев императорских балов. Мне бы очень не хотелось ударить в грязь лицом. Хотя... Миранда вышла в свет не так давно и если бы что-то пошло не так, она бы мне обязательно сказала! Со старшей сестрой у нас были очень доверительные отношения. К сожалению, только были. В письмах много не напишешь и эмоции не увидишь.

– Да, платья будут точно необходимы!

Сирен с озорной улыбкой смотрит на меня, и я не могу не улыбнуться в ответ.

– Неужели ты в чём-то со мной согласна! – лукаво прищуриваясь, говорит она.

Округляю глаза.

– Что значит «в чём-то»?

Сестра отмахивается от меня и говорит то, что я обдумала буквально пару минут назад.

– И всё-таки я хочу любви, вот о чём думала. Так чтобы закружило, затрепетало и унесло!

«Я тоже»

Глава 3

В моих руках томик с рукописями матери.

Я люблю перелистывать эти жёлтые странички, просто смотреть на её почерк, касаться тех листов, которые были когда-то в её руках. Испытываю чувство полного счастья, я не вчитываюсь в предложения, просто касаюсь нежно и тре-

петно, и что-то внутри моей души расцветает. Всегда буду помнить, как выглядела моя мама, мы все на неё похожи, как две капли воды. Тёмные волосы, светлые, словно капля в море, глаза, тонкая, словно тростинка, фигура.

Шагая, расчёсывает мои волосы. В комнате горит тусклый очаг свечи, едва освещая моё лицо.

– Ты очень похожа на Калик, полная копия.

Посмотрев на себя в зеркало, грустно улыбнулась. Внезапно служанка положила ладонь на моё плечо, невольно вздрогнула, хотя знала Шагаю с самого детства... Тёплые отношения между нами и завоёванными народами никогда не приветствовались, но отец вопреки всему закрывал на это глаза... После смерти мамы... кажется это единственная женщина, которую я подпускала к себе достаточно близко. Она понимает и поддерживает меня. Незримо и не очень откровенно, боясь вызвать гнев нашего отца, но я всё равно это чувствую.

– Я знаю, что где-то внутри ты сильнее, чем кажешься... Не бойся.

Тихо вздыхаю, бережно закрывая светло-серый томик, и отправляю его на столик перед собой.

– Шагая, ты же знаешь, что силой обладают только маги, а маги это только мужчины, – спокойно подытоживаю я.

На меня посмотрели тёплые молочные глаза, и немолодая женщина улыбнулась самой доброй из всех улыбок, которые я когда-то видела.

– Милена, ты же помнишь, что мой народ издавна считается самым чувствительным, а особенно мы чувствительны к силе, – с намёком произносит она, продолжая методично расчёсывать мои волосы и хитро поглядывать на меня через отражение в зеркале.

– Кажется, мы говорим на разных языках, – мой голос звучит слабо и изнеможённо. Уже давно расцвела Угалта, дом погрузился в сон и только в моей комнате горит свеча.

– Сила бывает не только магическая, Милена. Сила женщины в её умении прощать, и в тебе эта сила есть, – тёплая ладонь опускается на моё оголённое плечо, – не души в себе это. Однажды тебе это очень поможет.

Грустно улыбнулась. И было хотела ответить, но...

Резко отворилась дверь, и на пороге моей комнаты появился отец. Сердце мгновенно пропускает удар. Подскакиваю на ноги молниеносно. В знак почтения родителю спешно присела в реверансе. Подняла глаза и встретила с испуганными глазами сестры, которая уснула, читая книгу лёжа на моей кровати.

Чем обусловлен такой поздний приход? Что-то кольнуло в груди. Нехорошее предчувствие мгновенно взвинтило стук в ушах.

Шагая медленно отступила на шаг и с поклоном удалилась из комнаты, плавно и тихо прикрыв за собой тяжёлую дверь. Повисла гнетущая тишина. Мы всматривались в глаза отца и не понимали что происходит. Сестра поднялась с кровати

и отложила книгу на прикроватную тумбочку.

– Присядь, – я повиновалась и опустилась на то место, откуда только что встала. – Сирен, ты тоже садись.

Отец в безмолвии походил по комнате, с заложенными за спину руками, подошёл к окну, взглянул на ночное небо, опять отошёл к двери. Мы молчали и ждали, ждали хотя бы каких-либо действий. Внешне он был спокоен, только вот все его движения не были типичны. И я стала волноваться, но прежде, чем с моих губ сорвалось хотя бы слово, отец вытащил из кармана письмо. Оно было явно из императорской канцелярии, так как видны вензеля империи, и я испугалась окончательно, в голове промелькнула мысль: «Вызывают на защиту империи». И сердце замерло, я почувствовала, как горло сдавило спазмом, и глаза медленно начинают наполняться слезами. Сирен молча переводила взгляд с меня на родителя, пока он не начал зачитывать текст:

– Великий Повелитель Кассен повелевает, – внимательный и долгий взгляд на меня, а после отец продолжает: – всем девушкам благородного рода, достигшим своего шестнадцатилетия, явиться во дворец для представления.

Сердце ухнуло куда-то вниз с бешеной скоростью. Быстрый взгляд на Сирен. На лице сестры появилось незабываемое выражение счастья, оттеснив всю сонность на задний план. Отец не смотрел на Сирен, его взгляд был направлен исключительно на меня, и было в нём что-то виноватое, но я так и не смогла понять, почему.

– Невозможно... – еле слышно прошептала я.

– Отец, когда?! – не выдержала Сирен.

– Послезавтра по полудню – нехотя ответил родитель и более удручающим голосом добавил. – Каждый род представлен в едином цвете, в соответствие со своим гербом и положением. Все юные девушки обязаны выбрать наряд исключительно по моде дворца.

– Красный... – опять же тихо подмечаю я.

Папа коротко кивнул, и буквально через секунду на мою кровать легли два платья. Я на них даже не смотрела, мой взор был прикован к отцу. Сирен с визгом благодарности кинулась к своему наряду и в обнимку с ним плюхнулась на кровать, блаженно улыбаясь.

Создатель... чувствует моё беспокойное сердце, что что-то тут совершенно не так. Только что?

Внезапно отец подошёл ко мне, взял за руку, помогая подняться. Следующее, что произошло – мы провалились в пустоту.

Всегда боялась перемещений вне пространства, всегда замуривала глаза. Как только почувствовала, что мою руку отпустили, ресницы распахнулись сами собой.

Зажглось несколько небольших сфер, освещая пространство. В кабинете отца всегда было светло, как-то уютно. Ещё в детстве я любила проводить вечера здесь, мне казалось, что сидя с книжкой у камина я нахожусь к родителю ближе не только физически, но и духовно. Но не сейчас, сейчас тут

сумрачно и откровенно жутко.

В воздухе витало напряжение, словно сковывая всё пространство, и почему-то я не шевелилась и смотрела на чуть сторбленную спину отца.

Кажется, прошла не одна минута... мы молчали, точнее я молчала, а отец видимо собирался с мыслями, как только он повернулся, я узрела хмурое выражение лица. Папа был когда-то прекрасен, я видела его портрет в молодости, и, смотря на него молодого ещё девочкой, я мечтала выйти замуж за такого же отважного и прекрасного человека. Года идут так неумолимо, быстро стирая не только молодость, но и воспоминания о когда-то прошедшей молодости. Осталась стать, остался тот же острый и сосредоточенный взгляд, но виски тронула седина и паутинка морщин под глазами...

– Нам нужно поговорить, – отец подошёл ко мне вплотную, взял за плечи и проникновенно сказал: – я не должен, не имею права ничего тебе говорить, но не сказать я просто не могу.

– Что случилось?

Боль в его глазах гулко отражалось в моём сердце. Я не знала, чем помочь родному человеку, не знала, что случилось, и что он сейчас скажет.

Страх!

Страх неизвестности замедлял моё сердцебиение, но то, что я услышала далее, заставило его вовсе остановиться.

– Послушай меня внимательно, Милена. Ты моя старшая

дочь в этом доме...

– Да, по законам Тарии, если старшая по рождению Маранда покинула дом, то я встаю на место старшей и буду таковой до тех пор, пока и я не покину отчий дом. Такие правила не касались только мужчин, так как это они приводили в свою семью, а нас из семьи забирали...

– Я...

– Есть пророчество дитя мое, и оно гласит: «Как только взойдёт солнце, и первый луч коснётся земли, на свет появится дитя и именно этому дитя суждено родить бастарда Повелителя, который однажды спасёт наш мир».

– Пророчество?

Я ничего не понимала, точнее не понимала, причём тут мы и этот взгляд. Отец что-то хотел донести мне этой фразой. Но что? Не увидев в моих глазах понимания, отец опустил руки и голову заодно, после секундного молчания он подал голос.

– Пророчество касается моей дочери, – шок – Повелитель думает, что это Сирен, теперь ты понимаешь, почему он изменил одну из традиций?

Пережало горло стальной хваткой.

– В пророчестве говорится, что этот ребёнок рождён ранним утром? – шепчу я осипшим голосом.

Кивок.

– Я же тоже...

Папа устало прикрывает глаза, а я замолкаю, так и не сказав того о чём сейчас подумала.

– Повелитель решил, что это Сирен, – звучит убитый голос отца.

Не верю своим ушам.

Моя сестра, должна быть навечно заклеямена позором, тихой ненавистью среди придворных, никогда не выйти замуж за достойного мага и никогда не сможет иметь даже призрачного права на счастье, только если этим счастьем не станет Повелитель.

Дикость... Неужели сейчас всё ещё продолжают верить в сумасшедшие речи когда-то гениального человека? Папа всегда говорил нам, что провидец сошёл с ума. Почему тогда наш Повелитель решил спустя столько лет вспомнить что-то из пророчества!

– Почему сейчас, ей только шестнадцать. Ещё полтора года... – в ужасе бормочу я, вглядываясь в лицо родителя.

– Потому что Повелитель хочет ускорить процесс, – голос спокойный, но в глазах боль.

Дикость! Несправедливая по отношению к нам дикость! Эти слова чуть было не срываются с моих губ. Я в самый последний момент останавливаюсь.

В тёмные времена для империи, династии приближённые к Правителю, преподносили ему в дар своих дочерей, и если его выбор падал на одну из девушек, то род становился ближе к власти. Это было так давно, что кажется чем-то более

непостижимым, чем теория создания мировоздания.

А ещё... такими методами не гнушались только провидцы. У них просто не было семей.

Дар провидения не передавался по наследству, его нельзя было заполучить в бою. При рождении ребёнка высшие силы наделяли его этим даром, и пока провидец жив – он обязан служить на благо империи. Все силы отдавая империи. Только поэтому провидцы не могли тратить энергию куда-нибудь еще.

Младенца, наделённого даром провидения, сразу же изымали из семьи, и родители, неважно какого бы сословия ни были, никогда не смогут его увидеть, на них накладываются чары безмолвия – самое страшное, что может быть. Даже если они пройдут мимо, то не поймут, что это их ребёнок. Как правило, сильный провидец рождался один раз в триста лет. Дар не зависел от того, кто его родители.

– В пророчестве говорится о Великом...

Мне не дали договорить, точнее я замолчала, когда увидела хмурое выражение на лице отца. Слова так и застыли в моём горле...

– Нет, Дариан.

Принц... только не легче, факт остаётся фактом.

– Что же нам делать? – тихо спросила я.

Отец отпустил меня и отошёл на шаг.

– Ничего, пророчество не изменишь, – он снова отвернулся от меня. – Вы придёте во дворец. Там я уже ничего не

смогу сделать, в мою обязанность входит вас представить, а дальше я вернусь к Наиль, – и столько горести было в его словах, столько отчаяния, моё сердце разрывалось от накатившей на него боли. – Как только Повелителю представят всех, он объявит бал, и я покину дворец, а ты останешься, – взгляд в мои глаза. – Останешься для того, чтобы помочь Сирен, она без тебя не сможет.

Он прав, она не сможет. А я смогу? Зная весь груз ответственности, смогу ли? Всё ещё не могу осознать услышанное. Плавный шаг, и я подхожу к папе, сокращая расстояние между нами. Терпкий запах сандала окутывает пространство вокруг него, словно нерушимая аура.

– Отец, – я уткнулась лицом в его спину, – разве ничего нельзя сделать, совсем ничего? Все же знают, что происходит с фаворитками императора...

Отец медленно ко мне развернулся, обнял и тихо ответил: – Ничего... Её судьба такова, видят великие свидетели, я пытался уберечь нас от этого.

Слёзы проступили из глаз.

Осознаю, что это значит, отчётливо понимаю, что ждёт сестру, и ничем не смогу ей помочь. Понимаю и то, чего ждёт от меня родитель: он ждёт моей помощи, потому что только я смогу утешить Сирен и не буду смотреть на неё с осуждением. А осуждения будет много, очень много. Ей всего шестнадцать, она даже не помолвлена и уже никогда не будет. Я понимала его терзания, он хотел другой судьбы для своей

дочери, и я тоже хотела совсем другого для Сирен.

Между нами всего полтора года разницы, а мне иногда кажется, что она всё ещё дитя. Такая милая, всегда улыбочивая и такая непосредственная. Как же ей рано становится взрослой. Законы нашей империи предусматривает союзы после пятнадцати лет, но молодых девчушек не выдают так рано. Так как это очень быстро заставляет повзрослеть... Несмотря на суровость традиций, почти все аристократические семьи придерживались семнадцати с половиной. И только после принимали предложения женихов. Есть исключения, но их крайне мало, и я всегда думала, что папа будет придерживаться выбранной стратегии.

А как оказалось...

Сирен же уготована постель в королевских покоях, но никак не законный супруг. Как сестра, я испытывала жгучее желание защитить её от всех бед, и что бы нам ни уготовила судьба, я всегда буду рядом. Я сделаю всё что угодно, лишь бы сгладить острые углы.

– Оно великолепно! Невероятно!

Сирен крутилась вокруг своей оси напротив зеркала, периодически останавливаясь и проводя руками по лифу платья, словно всё ещё не веря, что его надела. Признаться и я была на грани безумия, так как всё ещё не верила в то, что на самом деле происходит.

На лице улыбка, а в душе вихри. Мне так хочется поведать

эту тайну, так хочется рассказать. Я ощущаю себя предателем. Если бы не отец, взявший с меня слово молчать, я бы не выдержала. Сейчас смотря на воодушевлённую Сирен мне было стыдно в первую очередь перед самой собой. Я фактически обманываю её.

– Шикарное! – продолжает восхвалять платье сестра.

Вздыхаю и окончательно понимаю, что первый мой в жизни бал будет полной противоположностью того, о чём я когда-то мечтала. Но разве я могу омрачить его Сирен? Могу рассказать всю правду? Нет! Я не имею права. Отец не зря не сказал ей и заставил пообещать молчать меня. И я не скажу. Пусть это будет самым главным моим сестринским предательством, но я не хочу смотреть на то, как она, возможно, будет забиваться в угол вдалеке, завидев принца. Хотя... это уже своеволие. Сирен так не поступит, это слишком явное пренебрежение. К тому же наследник престола не знает о предсказании и его роли одной из сестёр нашего рода. Об этом тоже сказал папа, сказал и сжал кисти в кулаки до хруста в суставах.

Прошлую ночь я провертелась в кровати, так и не сомкнув глаз до зари. Думала. Отчаянно думала о том, что же нам делать. То, что нас уже сейчас оставили во дворце, припечатав этим высокопарным «фрейлина», я не сомневалась. Вопрос был иной. Как жить теперь?!

Завтракала в одиночестве очень рано, всего пара часов на беспокойный сон. Отец отбыл во дворец за десять минут

до того как я оказалась в трапезной. Меня встретила только краткая записка уверенным размашистым почерком, повествующая о том, что в момент его отсутствия я являюсь полноправной хозяйкой. Впрочем, это не удивительно. Самая старшая в доме пока ещё я. «Пока ещё»... болью под сердцем.

Отец и раньше отбывал из дома во дворец, тут нечему было удивляться. Если он оставил пост это ещё не значит, что перестал служить империи как таковой. Озадачивало иное, почему именно сегодня, практически сразу после вчерашнего визита Повелителя?

Среди слуг давно ползут слухи о том, что Повелитель развязывает войну с многочисленными селениями в южной части Тарии, они до сих пор сохраняли суверенитет, несмотря, что официально в альянсе мы считаемся как целый мир и название ему Тария.

Когда-то мы всё-таки были едины.

В борьбе против Атакшев, которые нападали на наши земли с помощью, тогда ещё плохо изученных, тепловых порталов, мы были единым механизмом. Наш мир мог рухнуть, превратиться в пыль, но мы выстояли и отогнали противника в глубины их планеты, полностью изолировав её. Страшные времена, страшные и кровопролитные. Самое ужасное было то, что они питались силой, убивая мужчин полностью высасывая жизнь и продлевая её себе, а женщин сгоняли в стадо, словно овец и забирали на свою планету. Тогда сот-

ни лет назад, мы объединились в борьбе с этой молниеносно распространяющейся заразой. Заперли их навечно на своей планете, не давая возможности выбраться. Они заперты, но не убиты. По сей день сотни патрулей, тысячи воинов, отдающих часть своей энергии, чтобы сдержать их под куполом и пока это удаётся. Как оказалось, практически невозможно убить того, кто одним касанием может высосать всю жизнь...

Этот назревающий конфликт... он не сулит ничего хорошего.

Междоусобная война – её дух витает в каждом доме. Да и что может быть хорошего в том, чтобы воевать с такими же, как ты. Наш Повелитель всегда хотел объединить народ, сделать его целостным. Что происходит сейчас и происходит ли? Женщины далеки от политики. Наш удел дом, поэтому я стараюсь не думать о словах вокруг. Это всё может быть просто очередной байкой, щедро приправленной перевернутыми фактами.

– Ну как я тебе? – отрывает меня от мыслей Сирен, которая зависла в очередном па напротив зеркала.

– Прекрасно, – с улыбкой отвечаю я и отгоняю от себя эти непрошенные мысли.

Мне нужно подумать о другом. Так что я решаю сосредоточиться на нашем туалете.

Платье было отчасти похоже на придворный этикет, только отчасти... Были полностью оголены руки, но всё остальное вплоть до шеи осталось скрыто. Моё желание – я внесла

коррективы в модели, которые принёс отец.

Сирен в сотый раз за минуту проходит пальцами по лифу платья.

Тугой корсет изящно обрамлял хрупкую фигуру моей сестры, делая стан ещё более тонким. Ярко-золотые узоры на корсете и красная, кроваво-красная юбка в несколько ярусов делала образ притягательным. В связи с вскрывшимися обстоятельствами, я безусловно выбрала бы иной цвет, менее кричащий, но увы... На фамильном гербе моей семьи красный цвет преобладал и мы обязаны облачиться в эти цвета. В древности говорили, что этот цвет притягивает не только взгляд, но и силу. Сила нашей семьи была в красоте, так говорила мама... пока была жива. А ещё она говорила, что каждая женщина обязана родить наследника. Мама так и не смогла исполнить заветную мечту отца, поэтому сила только в красоте... Жаль. Считается, что родовая энергия переходит к сыновьям. Не через мать, а через отца. Как итог, если когда-либо я выйду замуж за мужчину, у которого слабые зачатки силы, у моих детей будет так же. Хотя это маловероятно, отец никогда в жизни меня не отдаст за подобного кандидата. Магической силы нет у рабов, но тут всё ясно, вступить в греховную связь не смогу сама.

«Греховная связь»... клинком по коже.

Как же жаль, что Сирен родит бастарда от наследника, как же мне жаль. Родить отпрыска Повелителя это всё равно, что навеки привязать себя к нему. Повелитель уже не даст воз-

возможности уйти, даже если забудет про свою фаворитку, то всё равно не отпустит. Если Сирен предрешиено родить сильного мага, то для сохранения его силы Дариян будет делать всё, и первое, что сделает – это поставит её навеки вечные на место главной фаворитки.

Императоры всегда заключали выгодные союзы, а когда им нужна поддержка, то укрепляют свою страну союзом с принцессой одного из миров, косвенно объединяя их. Когда-то раньше наш мир был поделён на государства, но тысячелетия назад это было, мягко говоря, исправлено. Нет раздробленности, мы едины, практически едины.

– Тебе идёт этот цвет.

Сирен весело улыбается и добавляет:

– Нам идёт этот цвет, мы же похожи!

Да... похожи.

Моя сестра самая настоящая красавица. Обладательница насыщенных синих глаз с вкраплением голубизны. Копна волос, переливающаяся на солнце множеством оттенков, пухлые губы, правильный маленький носик, от природы вьющиеся волосы и, конечно же, утончённая фигура. Ещё пока подевичьи стройна, но настанет тот день, когда она превратиться в настоящую женщину и, видит небо, Сирен станет самой красивой женщиной в нашем мире. Жаль... жаль, что это всё пойдёт не во благо. У меня нет предположений об ошибке, я почему-то думаю, что он не ошибся. Хочу думать иначе, но не могу.

Я не могу сказать, что желаю ей любви, так как она будет печальной, и не желаю ей ненависти, это ещё быстрее погубит душу. Любовные терзания можно пережить, ненависть пережить невозможно. Она впитывается в кровь и бурлит по венам всю жизнь.

А Сирен всё кружилась у зеркала, посылала невидимому кавалеру воздушные поцелуи, поднимала волосы в подобие причёски, и улыбка счастья не сходила с её лица.

Невольно я тоже заулыбалась такому энтузиазму и живости в глазах. Но улыбалась я ровно до следующих слов:

– Служанки говорят, что сын Повелителя хорош собой, – словно тайну, поведала мне Сирен продолжая любоваться собой.

Я застыла, смотря на горящие глаза, покрасневшие щеки и вздымающуюся грудь. Сестра на меня не смотрела, и слова прозвучали, словно в пустоту, но я их услышала...

– Мы не можем знать наверняка.

– И то верно! – Сирен поджимает губы. – Как думаешь, оно соответствует требованиям? Или стоит видоизменить, пока есть время? Не слишком ли закрыто вот тут? – проследовала за тем, как она водит ладонью по воздуху в районе груди.

– Не слишком! – резко отвечаю я.

– Что с тобой? – Сирен хмурится, мой ответ её озадачивает.

Ничего, – отвожу взгляд, – просто не выпалась.

Сирен обзавелась своим экземпляром всего пару часов назад. Дело всё в том, что это платье – практически копия моего платья для дебюта. А то дебютное так и останется в шкафу. У меня нет никакого желания его использовать. Подумать только, я принудила модистку сшить его за пять месяцев до представления. Теперь уже не понятно к чему?

Особенность моды во дворце: открытое, пышное и тяжёлое платье. Интерпретаций может быть очень много, от банального приоритета в цветах, до какой-то диковинной отсрочки, но эти аспекты всегда остаются едиными. Невероятно тяжелое... у меня естественное такое есть, и, надев его однажды, я пройти не смогла даже по комнате, в душном зале так вообще захочется присесть. Но леди так не делают, мы терпим невзгоды, продолжаем улыбаться и если того потребуется, танцуем буквально до упаду. Это всё я знаю из записей мамы и из книги по придворному этикету. Мы были подкованы информативно, но никогда не делали этого наяву, от этого становилось немного не по себе. И оголять шею, грудь... я не смогу так появиться перед совершенно чужими мне людьми. Именно поэтому выбрала такой фасон и ничего изменять не хочу. Хватает того, что там корсет – дышать в котором, видимо, не предусматривается. Модистка, порхавшая над ним расплывалась в улыбке и комплиментах. Мадам Олиния прекрасная женщина, и её советы всегда дельные, но я всё же отказалась делать даже небольшое углубление. Строгая стойка и больше ничего!

– Милена, – сестра села рядом, – что с тобой? Ты против, что я иду вместе с тобой?

Нотки обиды проскользнули в голосе Сирен, я попыталась улыбнуться, чтобы согнать печаль, что так явно меня выдавала. Посмотрела в синие и бездонные глаза сестры, всё же улыбаясь.

Мы были очень похожи, все вчетвером унаследовали ген матери. Тёмные волосы и голубые, словно небо, глаза (правда, у Сирен они были скорее синие, чем голубые), отец всегда говорил, что каждая из нас это маленькая копия женщины, которая когда-то подарила ему счастье. Кто бы ни видел нас впервые, всегда вспоминали маму... И эти слова, очередной отголосок боли в сердце.

Отец был не многословен, но когда речь заходила о маме, он словно расцветал и начинал рассказывать о том, какая она была. Я смотрела на горящие глаза и тёплую улыбку и хотела, чтобы мой муж говорил про меня точно так же. Смотря на Сирен, я хотела лишь одного, уберечь её от всего того, что уготовано ей судьбой, я готова продать душу тёмным магам, только бы спасти её.

Да, возможно наследник будет любить её, души в ней не чаять, но он будущий Повелитель. Любовь его будет проявляться только за закрытыми дверями, а всё остальное время он будет править или посвящать время свой Повелительнице, их детям и Тарии.

– С чего ты это взяла? – я взяла за руку Сирен. – Просто

я сегодня устала, время подходит к закату, а завтра сложный день. Разве ты не волнуешься? – с мягкой улыбкой добавляю я.

– То есть ты не злишься?

– Конечно нет! Не думай обо мне. Я просто устала.

Сирена обняла меня за плечи, пряча лицо на моей груди

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.